

Александр Куприн

Две знаменитости

Москва. Сочельник. Двенадцать градусов мороза. Ночь. Весь густо-синий небосклон усыпан яркими, шевелящимися, дрожащими огромными звёздами. В старинной церкви у Спаса на Бору идёт предрождественское Всенощное бдение. Церковь эта, расположенная рядом с кремлёвскими святынями, конечно, по своей величине и ёмкости уступает гигантским московским соборам, но всё-таки среди всех сорока сороков стоит на почётном месте. Что же касается исторической седой древности, то в этом отношении Спас на Бору отличается дородностью, важностью и широкой щедростью в церковных даяниях. Это всё народ с солидным положением и весом в первопрестольной столице, люди света, разума и влияния: издревле именитые оптовые купцы-миллионеры с Балчуга, рядов, Зарядья и Замоскворечья, отцы городской Думы, биржевки с Ильинки; крупнейшие нотариусы, популярнейшие адвокаты, владельцы картинных галерей и рысистых заводов.

Вот почему обряд богослужения совершается у Спаса на Бору с величайшим благолепием и с суровой роскошью.

Протопресвитер храма, отец Евгений Иллюстровский, славится по всей Москве истинно златоустовским красноречием, с которым он говорит проповеди. Второй иерей, доктор богословия, славится необыкновенным умением так строго и так глубоко простирывать грешные души прихожан на исповеди, как знаменитый парильщик Илья из Сандуновских бань вымыливает и выпаривает бранные и пространные купеческие тела. У третьего, младшего, священника редкостный и вдохновенный дар: с трогательной прочувзованностью, с сердечным умилением читает он Великим постом в Андреевом стоянии прекрасный канон преподобного Андрия, пастыря Критского, отца преблаженного, заставляя прихожан и прихожанок проливать тёплые сладостные слёзы.

Настоящая гордость храма у Спаса на Бору - его протодиакон, отец Красноярский, переманенный с большим трудом в Москву из Сибири.

Надо сказать, что с незапамятных времён Москва славилась, гордилась и хвалилась своими могучими протодиаконами. Из поколения в поколение передавались с почётом громкие имена этих легендарных служителей церкви: Шаховцев, Россов, Бородаев, Львов, Громов, Самсонов, Пересветов, Буслаев и другие. Ходили о них в Москве сказочные героические предания, как о былинных богатырях. Про одного из них до сих пор говорят, что он, без тяжёлых облачений, весил одиннадцать с половиною пудов. Другой на Масленой неделе в гостях у именитого купца умудрился без всякого напряжения, со здоровым аппетитом, скушать восемьдесят блинов с всяческими приправами, полив их четвертной бутылкой смирновской водки номер тридцать первый. Третий, произнося многолетие, тушил силою своего огромного голоса канделябры Успенского собора. А от сверхчеловеческих возгласов четвёртого все стёкла лопались в просторном банкетном зале. Всего грандиознее были сказания об отце протодиаконе Громе-Первом, отличавшемся физической силой размеров прямо библических. Один из этих гиперборейских рассказов таков: В один из дней Рождества Христова, поздно вечером, возвращался Громов к себе домой из богатого хлебосольного семейства, жившего в Замоскворечье. Был протодиакон порядочно с мухой, а дорога его лежала через Каменный мост, мимо прорубей.

Шёл он весёлыми шагами, распахнув широко свою бобровую шубу - подарок признательной паствы - и мурлыкал тихой октавой рождественский ирмос: «Христос рождается - славите...», «Пойте Господеви вся земли...» А в эту пору какие-то два жулика или так себе, два лабарданца¹, приютившихся под мостом, увидели, что идёт в роскошной шубе пьяный человек, и перемигнулись: «Давай-ка этого почтенного купца освободим от лишней ноши и удерём».

Сказано - сделано. Заградили с двух сторон дорогу:

- Стой, ваше степенство! Скидовой шубу!

А Громов спокойно свысока окинул их суровым взором и, густо откашлявшись, сказал:

- О шубе потом, а теперь подвергну я вас, гнусных мерзавцев, Святому Крещению.

И с этими словами, схвативши воришек каждого за шиворот, понёс их к проруби и, дойдя до неё, так стукнул их лбом о лоб, что они и говорить, и дышать перестали. И тут прославленный московский протодиакон трижды возопил гласом великим крещенский канон: «Во Иордане крещающеся Тебе, Господи» и трижды же старательно обмакнул бездельников в студёную воду от головы до пяток.

На страшный рёв отца диакона и на отчаянный визг купаемых воришек выбежал из своей будки дежурный будочник и уже хотел тащить негодяев в буцыгарню, но Громов добродушно заступился:

- Оставь их, храбрый будочник. Они моего крещения во веки веков не забудут...

Таковы великогласные и богатырски сложенные протодиаконы в Москве. Но в храме у Спаса на Бору с незапамятных времён и духовенство, и влиятельные прихожане - все старались держать дом молитвы в строгом благочинии, во внешне скромной и изыскано-простой красоте. На правом клиросе пело всего шестнадцать певчих - восемь мужских и восемь детских голосов под регентством знаменитого Валуева. Партесные номера² сочинения таких композиторов, как, например, Сарти и Вейдель, исключались - как оперная итальянщина. Допускался Бортнянский, но и то его прекрасные херувимские ценились куда ниже Старо-Симоновской херувимской. Всему предпочитали обиходное пение, собранное Балакиревым, греческие распевы и творения иеромонаха Феофана. Новшествами же не соблазнялись.

Храм у Спаса на Бору был далеко не маленький, но служить в нём таким громовержцам и потрясателем стен, как, например, Шаховцев или Россов, было бы совсем невозможно. Недостаток резонанса стеснял, глушил и обезличивал бы их голоса, подобные трубам иерихонским. Не то - протодиакон Красноярский. Он как будто бы был рождён специально для этого старинного храма, или церковь выстроена нарочно для Красноярского, в ожидании, когда приедет он из далёкой и богатой чудесными голосами Сибири. Красноярский очень велик ростом, но стройное телосложение и пропорциональность всех членов не позволяет назвать его грубым великаном, которым впору пугать капризных ребят. Он силен и красив. Его русые, тёмно-золотые волосы густо падают волнами на шею и на спину, взоры его больших глаз светлы, приветливы и ласковы. Все его движения в церкви во время служения полны торжественного величия и вдохновенной безыскусной красоты. Сопровождает ли он с большим светильником в руке протоиерея, совершающего обход храма с каждением, подаёт ли священнослужителю, вместе с лобзанием его десницы, благочинно курящееся кадило, перепоясывает ли тяжёлым золотым ораём - всё у него дышит

¹ Плуца, обманщика (Лабардан - солёная вяленая треска).

² Партесное пение - разбитое на голоса (партии) хоровое православное пение.

ритмичностью, благолепием и непоколебимой христианской верой. Но что особенно восхищает и умиляет молящихся, что служит неувядаемым поводом к восторгу и гордости именнейших прихожан - это прекрасный голос протодиакона Красноярского, с его прелестным тембром и с его полнотою и гибкостью, с его верною музыкальностью. Голос этот - не басо профундо¹, а басо нобиле². Голосом своим Красноярский мог бы свободно наполнить и переполнить любой из больших московских соборов, но он сам нередко говаривал:

- Кричащий бас всегда жалок и некрасив. Он теряет своё мощное достоинство.

Голос Красноярского замечателен ещё тем, что от верхних нот до глубокой низкой октавы в нём никогда не слышится ни сипения, ни рычания, ни хрипения. Он всегда плывёт свободно и красиво, подобно звуку драгоценного инструмента Страдивариуса. Достоинство, весьма редкое для басов, а для протодиаконских, вероятно, единой на всю Россию.

- Экий голос-то у нашего отца протодиакона, - говорит почтеннейший прихожанин, знаменитый адвокат Плевако, - подлинно птица Сирий.

- Мёд липовый, - восхищается миллионер Оловянишников.

А Коншин прибавляет:

- Шёлковый бархат, шёлковый, шемаханский.

Москва всегда ревниво относится к своим любимцам и главным образом хочет непременно видеть их впереди петербургских знаменитостей по всем профессиям.

Так, между прочим, докатилось до Москвы, а также и до ревностных прихожан у Спаса на Бору известие о том, что проживает-де в холодной северной столице знаменитый своим голосом и повадкой молодой диакон Малинин, отпрыск старой славной семьи протодиаконов Малининых. А служил-де этот Малинин, племянник исаакиевского протодиакона, в храме при Волковом кладбище. Так вот, говорили сведущие люди, что как богатством голоса, так и вожеватостью манер в служении оба диакона, петербургский и московский. Малинин и Красноярский, друг на друга чрезвычайно похожи и оба являют новую эру в великом протодиаконском священном искусстве.

От этих-то слов всколыхнулась, взбаламутилась, закипела кондовая, чистокровная, честолубивая Москва, загорелась старая тяжба между столицами: Как возможно, чтобы точка в точку были похожи друг на друга два диакона! Что они близнецы, что ли? Бог и деревьев в лесу не уравнивал, а тут - люди ведь. Да и как это может случиться, чтобы наш исконно русский да ещё к тому же сибирский протодиакон не утёр бы носа питерскому золотушному диаконалишке? Здесь у нас, в Москве, всё вширь и вглубь идёт. И климат воздуха у нас целебнее, и пища куда питательнее и народ куда тороватее³ и щедрее. А Петербург на болоте немцами построен, и едят они, питерцы, поганые впустицы. Да вы сами взвесьте по справедливости, как мы во всём-то Петербург без места оставляем. Возьмём, к примеру, хоть театр. Сперва наш Малый загонял в щель ихнюю Александринку, теперь наш Художественный весь мир покрыл своими рекордами. Или ещё о рысаках скажем: где лучшие конюшни, где резвейшие лошади? Где всероссийское дерби, где искусные наездники? А тройки и лихачи на дутиках? А Ивановская колокольня? А сорок сороков? А тестовские расстегаи⁴? Нет! Вы уж с

¹ Басо профундо - низкий бас.

² Басо нобиле - благородный бас.

³ Тороватее - великодушнее.

⁴ Тестовские расстегаи - расстегаи, которые подавали в московском трактире, владельцем которого был И.Я. Тестов.

Питером, пожалуйста, помолчите, папаша. А о церковном благолепии и не заикайтесь. Чудь да весь, да чухна¹ ваш Петербург.

Особенно же были ущемлены за живот степенные прихожане у Спаса на Бору. И вот, в ту морозную ночь, с которой началось наше правдивое повествование, после всенощной, решили наиболее видные и наиболее ревностные прихожане собраться во второй день Рождества Христова у именитого купца Носова, в его роскошном доме, для разрешения некоторых церковных вопросов, а также и для разговора о двух протодиаконах: московском и петербургском. Как решили, так и сделали. Особенно много внимания и заботы было отдано знаменитым диаконам, а потом единогласно постановили: Во избежание смуты и кривотолков среди паствы, а также и в собственном интересе, - устроить свидание обоих в Петербурге или в Москве и наилучшим знатокам церковного служения решить по совести и разумению, какой из диаконов превосходнее. Потом это дело расширилось не на шутку. Докатился слух о соревновании протодиаконов до Петербурга наделал тревогу. В Питере немало своих святых мест: собор Исаакия Далматского, Казанский собор, собор Равноапостольного князя Владимира, собор Александро-Невской Лавры, Петропавловский собор, царские церкви, гвардейские церкви и ещё церковей десятка в три-четыре, не считая кладбищенских. И в каждом храме свои постоянные прихожане, свои радетели, усердные старатели и ктитория, священники, сборщики, опекуны, дарившие богатые лепты на украшение храма. Всех шире, богаче и радостнее дарило на церкви купечество: ярославцы, москвичи, туляки, рязанские, костромские, архангельские - те самые, которые приходили в город сопливыми мальчуганами с разодранными порточками, а кончали жизнь в десятки миллионов. Они-то, конечно, хорошо знали Малинина, диакона с Волкова кладбища, и его диаконские достоинства и стояли за него. Азарт в споре дошёл до того, что стали купцы уже биться об заклады, давая деньги на руки. Однако дошёл слух об этом азарте до ушей тогдашнего московского митрополита. Владыка же был пастырем весьма строгим и учителем суровым. Пригласил он учтиво на своё митрополичье подворье отборную головку их всех доброхотовых радетелей о храме Спаса на Бору, угостил их сперва чаем «дянь-сянь» с липовым мёдом, а потом как начал их кочетить:

- Это, мол, что вы затеваете, среброглавые отцы города и игемемноны? Во что церковь Божию превращаете? В беговой тотализатор? В цирковую борьбу? В петушиный бой? Опомнитесь, старые бездельники!

Кочетил, кочетил их, совсем раскочетил. Когда же они поняли свою неловкую ошибку и покаялись, то смягчился владыка, угостил их прелестной наливкой из венгерских слив и отпустил с миром, сказав на прощание:

- Послушать диаконов - послушайте, но им ничего не говорите, на борьбу за первенство не соблазняйте. Сказано ибо мудрое слово: лесьть богатства и слава мира поглощает слова.

Так и не состоялось публичное состязание между двумя знаменитыми протодиаконами.

¹ Чудь, весь и чухна - дореволюционные названия финских племён.